

«ИГРА В БИСЕР»

Математическая культурология

В.О. Лобовиков

Алгебраическая модель функциональной взаимосвязи аполлоновской и дионисийской абстрактных форм культуры

Калокагатия: дискретная математическая модель структурно-функционального единства ригористического естественного права и классицистской эстетики

(Функциональная взаимосвязь двузначной алгебры поступков и двузначной алгебры эстетических явлений в аполлоновском аспекте бытия)

Согласно Ф.Ницше, мир древнегреческой трагедии – арена столкновения двух начал: аполлоновского и дионисийского. Аполлон – олицетворение светлого, разумного, гармоничного, упорядоченного, а Дионис – темного, хаотического, безумного, разрушительного первоначала бытия.

Важную роль в философии античной Греции играло понятие «калокагатия», относившееся прежде всего к аполлоновскому аспекту мироздания (но в двойственном смысле применимое также и к дионисийскому). Калокагатия – единство нравственного и эстетического совершенства (единство добра и красоты). Следовательно, калокагатия есть бинарный частный случай более общего и фундаментального тернарного принципа единства истины, добра и красоты. Другой бинарный частный случай этого триединства – единство истины и добра является предметом структурно-функционального

исследования в целом ряде работ, посвященных математическому моделированию естественного права. В свете этих работ, если символы и, л обозначают логические значения высказываний, а символы х, п обозначают морально-правовые значения поступков, то для операций Ea_1, Ea_2, Ea_3, \dots , являющихся одновременно и высказываниями и поступками, справедлива следующая таблица T1, представляющая собой смешанную (истинностно-ценностную) функцию.

Ea	Ea	Таблица T1
и	х	
л	п	

Развивая содержащуюся в упомянутых работах идею дальше, естественно предложить следующую ниже, по мнению автора, вполне адекватную математическую модель структурно-функционального аспекта калокагатии. Имеется в виду представление указанного аспекта калокагатии в виде следующей ниже смешанной (нравственно-эстетической) ценностной функции T2.

а	а	Таблица T2
к	х	
у	п	

Здесь символы к и у представляют собой, соответственно, положительное и отрицательное эстетические значения поступков. Согласно T2, если а –

хороший поступок, то он красив, а если а – красивый поступок, то он хорош. Кроме того, согласно T2, если а – плохой поступок, то он уродлив (комичен), а если а – уродливый (комичный) поступок, то он плох. По мнению автора, именно смешанная (нравственно-эстетическая) ценностная функция T2 лежит в основе знаменитой фразы «Красота спасет мир!». Таблицы T1 и T2 могут быть подвергнуты критике, но она основывается на материале, относящемся к дионисийскому (карнавально-криминальному) аспекту бытия, а не к аполлоновскому. В рамках аполлоновского аспекта мира таблицы T1 и T2 верны.

Поскольку дионисийский аспект мироздания является двойственным по отношению к аполлоническому, постольку большой теоретический и практический интерес представляет смешанная ценностная функция, являющаяся математически двойственной по отношению к смешанной ценностной функции «калокагатия». (Термин «математическая двойственность» используется нами в собственном математическом значении, которое является общеизвестным в среде математиков и точно определенным, например, в монографии.) Функция, являющаяся математически двойственной по отношению к аполлонической калокагатии, может быть адекватно представлена следующей ниже таблицей T2*.

а	а	
у	п	Таблица T2*
к	х	

Нетрудно заметить, что функции T2 и T2* неразличимы (вместо того, чтобы говорить о калокагатии аполлонической и калокагатии дионисийской можно говорить просто о калокагатии). Это значит, что, смешанная ценностная функция «калокагатия» математически самодвойственна. (Термин «математически самодвойственная

функция» используется нами в собственном математическом значении, которое в среде математиков общеизвестно и строго определено). Отсюда вытекают теоретически очень интересные и практически важные следствия. (Анализ этих следствий впервые представлен автором на 15-ом Всемирном эстетическом конгрессе в Японии: Токио, 2001) Общеизвестно, что самодвойственные функции на противоположных наборах значений принимают противоположные значения. В литературе существует определение серьезного (классицистского) и несерьезного (карнавально-романтического) миров как таких эстетических миров, в которых эстетические переменные принимают противоположные эстетические значения. Кроме того, в литературе существует также определение легального и криминального миров (мира добра и мира зла, соответственно) как таких нравственных миров, в которых морально-правовые переменные принимают противоположные морально-правовые значения. Объединение легального (доброе) и классицистского (красивого, прекрасного, возвышенного) миров в одну систему (нравственно-эстетическую) относится к аполлоническому аспекту мироздания, а объединение в одну систему криминального (злого) и карнавально-романтического (дисгармоничного, гротескного) миров относится к дионисийскому аспекту бытия. Если эти дефиниции нравственно и эстетически противоположных миров принять во внимание, то можно определить аполлонический и дионисийский миры как такие, в которых морально-правовые переменные принимают противоположные морально-правовые значения, а эстетические переменные принимают противоположные эстетические значения.

Антикалокагатия: дискретная математическая модель структурно-функционального единства криминологии и карнавально-романтической эстетики

(Функциональная взаимосвязь двузначной алгебры поступков и двузначной алгебры эстетических явлений в дионисийском аспекте бытия)

Приняв во внимание представленные в предыдущем параграфе смешанные (нравственно-эстетические) ценностные таблицы T2 и T2*, нетрудно чисто теоретически («на кончике пера») получить следующие весьма интересные выводы. С точки зрения исследуемой дискретной математической модели абстрактной формы дионисийского аспекта мироздания, в карнавально-романтической эстетике: во-первых, должно быть так, что зло прекрасно, восхитительно, нормально; во-вторых, должно быть так, что добро безобразно, отвратительно, пошло, ненормально. (Данные выводы получены чисто теоретически: они с необходимостью вытекают из обсуждаемой математической модели абстрактной формы дионисийской нравственно-эстетической культуры.) Но ведь именно этот факт имеет место в художественной литературе и чисто эмпирически устанавливается философствующими литературоведами и пишущими романы философами. Искусствоведы зафиксировали этот факт совершенно определенно. Но искусствоведческая фиксация данного факта является чисто эмпирической. Она не содержит ясного теоретического объяснения и обоснования необходимости обсуждения факта (совершенно возмутительного, безнравственного, отвратительного с аполлонической точки зрения). Предлагаемая математическая модель абстрактной формы нравственно-эстетической стороны жизни дает недостающее теоретическое объяснение и обоснование необходимости рассматриваемого факта. Согласно этой модели, в карнавально-романтической литературе отнюдь не случайно, а совершенно необходимо зло

выглядит гораздо привлекательнее, симпатичнее добра, порок предпочтительнее, чем добродетель: иначе и быть не может. Это – норма карнавально-романтической художественной литературы. Жизнь, стремление к самосохранению, добропорядочное, законопослушное существование, умеренность во всем, т.е. стремление к «золотой середине» между двумя крайностями (границами меры) получает в карнавально-романтической культуре отрицательную эстетическую оценку. А вот смерть, стремление к разрушению и, в частности, к самоуничтожению, преступление, тюрьма (детективы), садомазохизм (порно), страх зла (триллеры), неумеренность (чрезмерность) во всем, т.е. любое нарушение границ меры, любая аномалия, крайность получает в карнавально-романтической культуре положительную эстетическую оценку. С карнавально-романтической точки зрения, смерть прекрасна. Небытие, исчезновение, конечность, преступление любых границ (в частности морально-правовых) достойны восхищения. И это – не субъективизм или психическая болезнь того или иного поэта или художника. Это – совершенно объективная, всеобщая и необходимая характеристика, т.е. эстетический закон, карнавально-романтической сферы бытия. Романтизм есть эстетическая форма реализации инстинкта разрушения и смерти, влечения к небытию, к нарушению любых норм и, в частности, к преступлению любых норм морали и права.

С другой стороны, согласно обсуждаемой математической модели нравственно-эстетической культуры, в аполлоническом, т.е. одновременно легальном (добром) и серьезном (прекрасном) мире, должно быть так, что карнавально-романтическое эстетическое отношение к жизни и, в частности, карнавально-романтическая художественная литература осуждается с точки зрения морали и права (оценивается как социально-

политическое зло), а иногда даже рассматривается как психическая аномалия, вырождение и т.п. И этот чисто теоретически полученный вывод подтверждается чисто эмпирически установленными фактами из истории художественной литературы. Например, весьма показательный факт – негативное отношение моралистов и психиатров к декадентам, «проклятым поэтам», маркизу де Саду и т.п. Также уместно вспомнить в данной связи факт резко отрицательного отношения Вольтера к Рабле и Шекспиру. Такого рода отрицательные морально-правовые (а, согласно калокагатии, и эстетически тоже отрицательные) оценки не случайны и не субъективны. Согласно обсуждаемой математической модели, они совершенно необходимы. Это – норма серьезной морализаторской эстетики классицизма. Неудивительно, поэтому, что были времена, когда гимназистам не разрешалось читать Шекспира, дамам из приличного общества нельзя было читать Рабле. Цензура церкви и государства не только морально осуждала, но и юридически запрещала публикацию и чтение многих карнавально-романтических произведений.

Согласно математической модели абстрактной формы дионисийской нравственно-эстетической культуры, в криминальном мире (т.е. в мире зла) должно быть так, что красота (гармония,

порядок, чистота, возвышенное) оценивается как нечто отрицательное, нежелательное, неприемлемое с нравственной точки зрения и, в свою очередь, должно быть так, что дисгармония, несовершенство, беспорядок, гротеск, грязь, низменное оценивается как нечто положительное (в нравственном отношении). Красота в криминальном мире подлежит разрушению, изнасилванию, издевательствам, оскорблению, очернению. Ее стремятся запачкать, осквернить, заразить, оклеветать, продать, унижить и т.п. Мир криминала относится к красоте только как к средству, т.е. плохо, стремясь использовать ее для достижения криминальных целей (в этом отношении «красота – страшная, дьявольская сила»).

Рассмотренные ценностно-функциональные закономерности и эмпирические факты можно было бы назвать «антикалокагатией», но в некотором смысле такое название не очень удачно. Дело в том, что и в аномальных, с аполлонической точки зрения, случаях имеет место калокагатия. Просто математическая самодвойственность калокагатии необходимо приводит к тому, что в аполлоническом и дионисийском мирах функция «калокагатия» принимает противоположные эстетические и морально-правовые значения.